

Если эти поразительные явления реальны,
то я сойду с ума.
Если они вымышлены, то уже сошел.

Амброз Бирс

КРОВАВЫЙ КОРОЛЕК

Скинь кожуру, малютка-манго,
не то берегись ножа.

Андре Пьейр де Мандьярг

Мы с ним встречались каждый вечер в ресторане отеля, где я снимал комнату с пансионом. Поскольку он был один, я очень скоро заметил его среди парочек и семей, составлявших львиную долю клиентуры. Я приехал в Барфлер* за тишиной и покоем, и отдых мой так удался, что я даже заскучал: кроме пары-тройки променадов, во всех этих прибрежных городках и вовсе нечем развлечься тем, кому, подобно мне, быстро приедаются морские купанья.

Почему бы нам не сесть за один стол, думалось мне. Не похоже, чтобы он искал уединения, и вряд ли меньше меня скучает в этой атмосфере конца курортного сезона. Мы могли

* Городок на побережье Нормандии. (Здесь и далее примеч. переводчиков.)

бы как-нибудь поужинать вместе, а потом посидеть за коньяком в гостиной или прогуляться по опустевшему пляжу, проникшись духом сдержанной и чуть отстраненной симпатии, как два джентльмена, которые, не нуждаясь в установленных правилах игры, умеют в сближении не заходить чересчур далеко.

Увы, он не давал мне ни единого повода завязать разговор: газет не читал, одевался неброско, заказывал всегда одни и те же блюда, в общем, будто нарочно делал все для того, чтобы его не замечали и вообще забыли — в том числе и метрдотель, которого он никогда не подзывал, закончив трапезу, а дожидался, пока уберут тарелку и предложат десерт. Его меланхоличный вид, манера то и дело проводить рукой по сидящим волосам, аккуратность, с которой он складывал салфетку, перед тем как встать из-за стола, — все в нем интриговало меня; еще не обменявшись с ним ни единым словом, я был убежден, что он весьма интересный собеседник. И не ошибся.

Однажды вечером он сделал нечто позволившее мне наконец с ним заговорить. Было воскресенье, мое второе воскресенье в отеле — приехал я две недели назад. В семь часов я спустился к ужину и сел за столик недалеко от него. Официант принес мне меню,

затем подошел к моему соседу. Тот попросил стакан свежавыжатого апельсинового сока. Я удивился, не понимая, как можно пить перед едой что-либо, кроме аперитива; вышколенный же официант не позволил себе никаких комментариев и через пару минут вернулся из бара со стаканом, украшенным зонтиком из шелковой бумаги.

Он поблагодарил, после чего устремил взгляд куда-то вдаль, рассеянно вертя в пальцах стакан. Я думал, что он готовится выпить свой сок, но вместо этого он сунул руку в карман пиджака, достал оттуда ампулу и, отломив кончик, вылил содержимое в стакан; затем, помешав в нем ложечкой, залпом выпил. Мне это показалось столь неожиданным, что я, не удержавшись, спросил:

— Лекарство?

Он поднял голову и посмотрел на меня с удивлением. Я было испугался собственной бестактности, но тут он широко улыбнулся мне и ответил вполне приветливо:

— Это не лекарство, нет. Не совсем.

Понимая, что его ответ повлечет с моей стороны новый вопрос, он предложил мне пересесть за его столик — что я и сделал. Он взял стеклянную ампулу большим и указательным пальцами, поднес к глазам, посмотрел задумчиво.

— Если я вам скажу, — продолжил он, — что за жидкость была в этой ампуле, вы очень удивитесь.

— Это был наркотик?

— Нет.

— Что же тогда?

— Кровь.

Страшные картины — вампир, вырезанное из груди сердце — представились мне, и я невольно отпрянул. Лукавая усмешка перечеркнула его лицо.

— Не бойтесь, я не вопьюсь вам в шею и не перекушу артерию. Но я понимаю, что мой воскресный ритуал вас удивляет.

— Вы пьете кровь каждое воскресенье?

— Немного крови со свежесожатым апельсиновым соком, да, каждое воскресенье вот уже пятнадцать лет. Вам, я полагаю, хочется узнать почему?

«Случилось это пятнадцать лет назад в Брюсселе, где я прожил три года и откуда собирался уезжать. Всю мебель я уже отправил в город, куда намеревался перебраться, а в моей квартире было не повернуться от коробок и ящиков с книгами. В спальне остались одна только кровать да механический будильник. Несмотря на связанные с переездом хлопоты, досуга у меня было достаточно, и я гулял

по Брюсселю, стараясь в последний раз надышаться атмосферой этого города. Во время одной из таких прогулок, в воскресенье после полудня, я и встретил женщину-апельсин. Странное имя, скажете вы? Так, по крайней мере, она зовется в моих воспоминаниях. Не помню, говорила ли она мне, как ее зовут, а может быть, я знал ее имя, да позабыл. Она была красива и очень молода, лет двадцати, не больше; лицо ее наполовину скрывали волосы, невероятно белокурые, а глаза поражали какой-то притягательной силой. Она присела на скамейку, где сидел я, недалеко от Монетной площади, и принялась, хмуря брови, изучать какую-то брошюрку — насколько я понял, это был путеводитель. В другое время я предоставил бы ей разбираться самой — обычно я стесняюсь навязывать незнакомым людям свои услуги и никогда не умел знакомиться с женщинами. Но в этот день, сам не знаю почему, я предложил ей помочь. Она подняла голову и, просияв улыбкой, сказала, что ищет улицу Камюзель. Голос у нее был высокий, тонкий, с акцентом, который, наверно из-за цвета волос, показался мне скандинавским. Я хорошо знаю Брюссель, сказал я ей, хотите, я провожу вас? Она обрадованно вскочила; я подал ей руку, и мы пошли вместе, так же неожиданно для самих себя, как и

познакомились. За всю прогулку мы не обменялись ни словом. Меня бросало в жар от одной мысли, что я иду рядом с такой красавицей, и я невольно думал, как бы продлить наш маршрут, чтобы не упустить это счастье. Она же шла за мной послушно, как дитя, и озиралась по сторонам так, словно прилетела с другой планеты.

Мы дошли до улицы Камюзель, пустынной в этот час. Моя спутница остановилась перед номером 8, большим домом из красного кирпича, каких много в Брюсселе. Выпустив мою руку, она поблагодарила меня и стала читать имена на домофоне. Устройство было старое, 50-х годов, покрытое ржавчиной. Сейчас, думал я с досадой, ей откроют, и конец моему приключению. Я уже готов был уйти, как вдруг она сказала, что имени, которое ей нужно, почему-то нет. Мы проверили еще раз вместе — безуспешно. Тут я попытал счастья: коль скоро не встреча не состоялась, не хочешь ли она продолжить прогулку? Она согласилась, и мы пошли в сторону центра по улице Андерлехт, затем по улице Марше-о-Шарбон.

День был чудесный. Я почувствовал себя увереннее и стал рассказывать ей о моих любимых кварталах, о городах, где я жил, о людях, которых встречал. Она была не очень разговорчива и все больше задавала вопросы;